

«Психоаналитический антиглобализм: к вопросу о культурно-национальных границах»

Тезисы доклада на VI Межрегиональной психоаналитической Конференции
«Психоаналитическое понимание границ и их нарушений: теоретический, клинический и
прикладной аспекты» (23-25 июня 2017 г., г.Москва)

Медведев Владимир Александрович,
кандидат философских наук,
руководитель проекта «Russian Imago»

Концептуально нижеследующие тезисы (как и анонсируемый ими доклад), будучи связаны исключительно с темой «психоаналитического понимания границ» и базовой для нее рабочей фрейдовской метафоры «границы/экрана», основаны на ряде допущений.

Вот они, выраженные в максимально краткой форме:

- Психоанализ в своих первоисточниках – это и есть учение об интрапсихических границах, отделяющих мир индивидуальной человеческой психики (субъективности) от его, этого мира, первичных детерминантов.
- В отличие от различных вариантов «трансцендентальной метафизики», включая изначально родственную ему феноменологию, учение Фрейда базируется на экспериментальном открытии механизмов использования этих границ в качестве экранов, на которых индивидуальная психика проективно разыгрывается и в пространстве которых она только и существует. Нечто похожее в античности предлагали Гераклит и Платон в своих метафорах «ограниченного потока» и «экранирующей реальность пещеры».
- Практически же психоанализ представляет собой тренинг пограничной балансировки (на грани сна и бодрствования, внимания и рассеянности, памяти и забвения, желания и запрета, Я и Другого, и пр.), по результатам которого каждый, его «проходящий» (как бы бегущий по границе как по лезвию бритвы), приобретает более или менее выраженные способности к расширению границ и выходу за пределы. Иллюзорного расширения и иллюзорного выхода; но этой иллюзии, подкрепленной верой, достаточно для трансформации той квазиреальности, которую все мы создаем вокруг себя и в которой пребываем.

Подчеркиваю еще раз: психоанализ есть способ коррекции субъективной реальности путем работы с приграничными, можно даже сказать – маргинальными, зонами психики.

Ну вот, как-то так. Кто сможет лучшим образом на базе одной метафоры в нескольких предложениях изложить суть психоанализа – пускай первым бросит в меня камень.

А я теперь готов тезисно обозначить свое видение проблемы «психоаналитического понимания границ и его нарушений» (подчеркиваю – его, а не их, нарушений) в контексте темы анонсируемого доклада.

1. Почему метафора «границы/экрана» легла в основание психоанализа и что она давала самому Фрейду? Тут все просто: как и любому первопроходцу ему нужна была точка защитной опоры в ситуации травматической неопределенности. Работа со сновидениями открыла ему наличие мира «истинно реального психического» (бессознательного), а перенос результатов этой работы в зону бодрствования позволил так же эффективно отделить приграничные иллюзии «восприятия-сознания» от мира «истинно реального физического». Прочитую первоисточник, тут лучше все равно не скажешь: *«Бессознательное есть истинно реальное психическое, столь же неизвестное нам с своей внутренней сущности, как и реальность внешнего мира, и раскрываемое данными сознания в столь же незначительной степени, как и внешний мир показаниями наших органов чувств».*

Оба эти запредельные нашему индивидуальному опыту мира, с которыми мы соприкасаемся в состояниях сна и бодрствования, одинаково опасны и разрушительны. В первом из них таится безумие, а во втором – болезнь и смерть. И потому техника безопасности исследовательских и коррекционных работ, осуществляемых в режиме соприкосновения с ними, требуют постулирования и четкой маркировки соответствующих границ.

То модельное описание «человеческой ситуации», которое выстроил для нас Фрейд, отличается парадоксальной простотой и одновременно мистической сложностью: наше «Я» представляет собой приграничное образование, существующее в точке контакта и взаимодействия границ двух «истинных реальностей», о которых мы не знаем ничего,

кроме того, что в их тотальной власти над нами нет пробелов. Существовая в своего рода «щели» между этими границами, мы «растекаемся» по ним и формируем на них, как на экранах, проективные реактивные образования на неявное воздействие запредельных для нас факторов.

Соответствующую работу «экрана сновидений» Фрейд подробнейшим образом описал в своей книге, выше мною процитированной. А сделанное им в военные годы описание работы сознания как «экрана внешнего мира» показалось ему чрезмерным для публичного его обсуждения. И он, как мы знаем, уничтожил эти разработки. Уничтожил, но строил здание психоанализа исходя из их смысла. Именно поэтому, кстати, вопрос о природе сознания является единственно верным психоаналитическим «шибболетом», знаком причастности к основам учения.

2. Найденный Фрейдом границы «истинных реальностей» носят первичный характер.

Они реально существуют в том смысле, что вне их фиксации наше индивидуальное «Я» исчезает, лишаясь опоры для своего проявления. Они реальны, как реально и то, что они о нас отделяют – бесконечности двух базовых бессубъектных миров, тотально господствующих над нами посредством выставления нам пределов самим фактом своего существования и нашей конечности.

Все, что мы можем сделать в этой ситуации, это – расширять зону своей Я-активности, превращая «границы истинной реальности» в экраны, фиксируя на этих экранах персональные и групповые фантазии и иллюзии, выстраивая из последних некий виртуальный мир и придавая ему статус квазиреальности. Этот вторичный мир, как указывал Фрейд, выстроен по образу и подобию первичного, т.е. основан на опорных ограничениях и предписаниях.

Таким образом в нашей «человеческой ситуации» появляются вторичные границы, которые выстроены поколениями наших предков, с момента возникновения человеческого «Я» обустривающихся в этой «щели» между мирами «истинных реальностей». Вторичные границы, вдоль которых мы прорастаем и живем, которые, по возможности, под себя подстраиваем, носят сугубо реактивный и защитный характер: они отделяют нас от травм. Совокупность этих границ мы назвали культурой, а набор формируемых ими ритуальных навязчивостей – цивилизацией.

Вторичные границы позволяют нам виртуально расширять трагически узкую щель «человеческой ситуации» и создавать на ее основе огромный мир, также обладающий статусом реальности, но не являющийся реальным, поскольку вне субъектного к нему отношения он не существует. В этом иллюзорном мире нет ничего настоящего, кроме одного – нашего тела, заминированного смертью. Тела, подключенного, в режиме чередования сна и бодрствования, к трансценденсу «истинной реальности» и живущему исключительно благодаря реагированию на последствия этого подключения.

Именно благодаря яростной танатофобии Фрейда мы и получили возможность отстраненного анализа этой ситуации, выхода за пределы этих иллюзий, истолкования их природы и даже – коррекционной работы с ними. И делаем мы это, другого подхода к психике просто не существует, опять же за счет выставления границ как своего рода фрустрационных раздражителей и работы с возникающими при этом реакциями.

3. Т.о. психоанализ представляет собой набор искусственно выстраиваемых границ, о которых мы как правило и говорим, когда в психоаналитическом контексте упоминаем, как на данной Конференции, тему границ и их нарушений.

В аналитической ситуации происходит тестирование реакции коммуникационной пары, вводимой в ситуацию ограничений и фрустрирования, на степень травматичности подобного рода ограничений и природу возникающих при этом защит.

Границы эти носят уже третичный характер, поскольку, с одной стороны, затрагивают телесные подключения к первичным ограничениям, а с другой – проективно воспроизводят персональный травматизм вторичных, культуральных, запретов. При этом экранами для данных проекций становятся сами участники аналитической коммуникации, анализанд и аналитик, что свидетельствует о том, что *именно они друг для друга и выступают своего рода персонифицированными границами.*

Используемые в рамках этой коммуникации психические защитные автоматизмы, такие как вытеснение или, скажем, проекция, также, кстати, носят подчеркнuto пограничный характер. Можно даже сказать, что все без исключения динамические процессы, запускаемые анализом и им поддерживаемые, проходят на границах памяти, сознания и желания. Все дидактические модели человеческой психики, используемые Фрейдом для перевода своих спекулятивных идей, порожденных личным опытом «нарушения

психических границ», на язык универсальных представлений, демонстрируют нам границы и только границы. Но это уже другая история, сейчас мы говорим не об этом.

4. И вот теперь, в контексте вышесказанного и в соответствии с темой моего доклада, нам предстоит оценить ту позицию, которую отечественные психоаналитики, а также – примыкающие к ним психоаналитически ориентированные психологи и психотерапевты, занимают по отношению в универсальности (интеркультуральности) психоанализа как оператора динамики, возникающей в этой «пирамиде границ».

Очевидно, что первичные границы «истинных реальностей» не просто объективны, но и универсальны. Они есть «столп и истина» человечности как таковой, вырванной из исторического и культурного контекста; в своем взаимодействии они порождают ее, выступают в роли базового условия самой ее возможности и тотально ее контролируют.

Третичные ограничения, искусственные и прагматичные, привнесенные в анализ его собственной природой, также универсальны. Формально, а порою и содержательно, они могут варьироваться (например – при введении ограничений в области новых разновидностей коммуникации), но в целевом отношении они неизменны.

Но вот по отношению к миру вторичных ограничений и предписаний, к границам мира культуры и цивилизации, мы констатируем их отчетливую конкретность и вариативность, привязку к особенностям национальной исторической традиции, к языку, к детской сказке, к культурному коду воспитания и образования, к идеологии (и прочим видам прагматических верований), социальной ритуалистике, и пр.

В этом вторичном, реактивном и иллюзорном мире, возможна типология, но уже невозможна универсальность. Это прекрасно понимали все творцы национальных психоаналитических доктрин и практик: от изначального фрейдовского «психоанализа Моисея» до новейшего латиноамериканского «психоанализа Калибана». В основе специфичности всех уже сформировавшихся культурно-национальных моделей психоанализа (а таковых сегодня насчитывается, навскидку, не менее шести) лежат уникальные программы «пограничного окультуривания», зафиксированные в форме национальных психоаналитических школ.

Процесс этот носит естественный характер и потому он всегда и везде однотипен и даже алгоритмизирован (об этом мы много говорили в канун 25-летия нынешней волны отечественного психоанализа). И вслед за этапами изначальной персонификации, выработки защитного квазизнания, групповых интерпретационных игр и клинической проверки гипотез следует этап формирования национальной психоаналитической модели, концептуальной и прикладной. Так было, так есть, и так будет всегда и везде, хоть в Иране, хоть в Китае, везде, где бы общество не породило запрос на психоанализ как тестирование дисбаланса между первичными и вторичными, естественными и искусственными, неизменными и вариативными, истинными и иллюзорными границами. Потому что без сбалансированной системы этих границ и человек, и социум болеют и умирают, теряя энергию смыслов и целей, утопая в разрушительном травматизме.

5. Этот алгоритм срабатывает всегда и везде, но с одним парадоксальным исключением – только не в России. Огромная цивилизация, возникшая на пересечении российской культурной традиции, русского языка и советской цивилизационной модели, возродив на очередном крутом повороте своей истории запрос на психоанализ, так и не смогла получить от последнего национально-ориентированной объяснительной модели кризиса «пирамиды границ», а также – экспериментально проверенной и практически применимой методики ее деятельной ревизии.

В отечественном психоаналитическом (и околпсихоаналитическом) сообществе сегодня довлеют открыто глобалистские тенденции, опирающиеся на тезис о том, что психоанализ – он и в Африке психоанализ, а наличная дифференцированность его теорий и методик связана исключительно с прогрессом эффективности его терапевтических приложений. Результатом доминирования данной позиции является опора на различного рода миссионерские практики, превращение психоаналитиков в культурных иностранцев, а психоанализа в его лучших и успешных проявлениях – в эффективную «школу для эмигрантов».

И дело тут не в отсутствии исследований. Тот же проект «Russian Imago» работает уже скоро двадцать лет и многое коллеги успели в нем поучаствовать.

Проблема в другом. Создавший основы психоанализа как концепции интрапсихических границ и методики психокоррекции в состоянии наведенного «пограничного транса»

Зигмунд Фрейд оставил нам, подчеркиваю – именно нам с вами, его российским коллегам, адресное послание в виде классического клинического случая «Человека-Волка». Где обосновал мысль о принципиальной неаналитичности и неанализируемости «русскости», о ее глубинной чуждости разработанной им пирамидальной модели границ, созданной на базе культуры «интегративного иудаизма».

И не по причине свободы «русскости» от проблемы границ (это не так и мы с вами это не просто прекрасно понимаем, но и весьма болезненно чувствуем). Скорее можно сказать, что наше традиционное и нынешнее переживание пограничности «человеческой ситуации» явным образом отличается от модели, описанной и апробированной в психоаналитической классике не менее радикально, чем сказка о козе и семерых козлятах от истории о храбром портняжке. Сомнительным также – и по смыслу, и по результатам – представляется укладывание «русскости» и на прокрустовы ложа постклассических национальных психоаналитических парадигм из Великобритании, Франции, Центральной и Восточной Европы, Северной и Южной Америк.

Не стоит ли пойти по общему алгоритму и констатировать, что «русский психоанализ», *если он вообще возможен*, должен быть выстроен на абсолютно уникальных идеях и экспериментах, а не сложен из кусков инокультурного опыта?

б. Сегодня мы переживаем затухание уже третьей волны психоаналитической активности в России, затухание, проявляющее, как и ранее, в уходе аналитиков в смежные прикладные практики (сегодня – в психотерапию) и растворении в них. Один раз не получилось – случайность (война и революция); второй раз не вышло – случайность (Сталин победил Троцкого); не вышло и в третий раз. Опять случайность? Или уже закономерность? А может мы по чужой наводке снова ищем свои границы там, где их нет? А реальных границ не видим и, сталкиваясь с ними, не понимаем – что происходит, откуда такое средовое сопротивление нашим усилиям, почему мы впустую тратим ресурс социально-культурного запроса на отечественный психоанализ и прямо на глазах теряем почву под ногами, открыто трансформируясь в «иностранных агентов»...

Вот это я и предлагаю обсудить на Конференции.

<http://russia.ecpp.org/vi-mezhregionalnaya-psihoanaliticheskaya-konferenciya>